

ИСТОРИЯ

Исихастская традиция в Ростове Великом

Ю.В. Линник

Феодор Ростовский и исихастская традиция

Были ли Сергей Радонежский и Феодор Ростовский сторонниками исихазма в его паламитском изводе? Положительный или отрицательный ответ здесь может опираться лишь на косвенные соображения. Прямых свидетельств нет. Попробуем подойти к проблеме, сопоставив некоторые даты:

1351 г. Проходит 4-й паламитский Собор.

1353 – 1354 гг. Патриарший престол в Константинополе занимает Филофей; его перу принадлежит «Житие Григория Паламы».

1354 г. Патриарх Филофей поставил в митрополиты Всея Руси святителя Алексея.

1356 г. Митрополит Алексей повторно посещает Константинополь.

1360 г. Преставился святитель Григорий Палама.

1364 г. Константинопольским патриархом вновь становится Филофей.

1368 г. Созван 5-й паламитский Собор; на нём происходит канонизация Григория Паламы.

1374 г. Феодор Ростовский лично встречается с Киприаном – келейником патриарха Филофея, посланным на Русь для выполнения важных дипломатических поручений.

1375 г. Киприан рукоположен патриархом Филофеем в митрополита «киевского, литовского и русского»: предполагается, что он заступит на кафедре престарелого митрополита Алексея.

1378 г. Сергей Радонежский и Феодор Ростовский ведут тайную переписку с митрополитом Киприаном, чьи права оспаривает князь Дмитрий Иванович.

1379 г. Умирает Филофей.

1383 г. В Константинополь прибывает Феодор Ростовский; здесь он задержится на полтора года.

Мы видим сложную сеть личных связей. Неужели по этой сети не циркулировала информация о паламитстве? И русские современники Григория Паламы ничего не знали о нетварной природе Фаворского света? Это кажется маловероятным.

И Алексей, и Киприан, конечно же, были паламитами. Митрополит Алексей хотел передать свою кафедру Сергию Радонежскому. Но тот по причине своего величайшего смирения отказался от этого предложения. Русь в те годы была наитеснейшим образом связана с Константинополем. Между ними установился глубочайший унисон. Трудно представить, что в разговорах Алексея и Сергия не звучало имя Григория Паламы – ведь его учение являлось тогда главной богословской новостью.

И Филофей, и Киприан были тесно связаны с Афоном: первый удалился туда, когда в 1354 г. оставил патриаршество; второй прошёл там выучку в свои молодые годы. Среди учеников и последователей Сергия Радонежского имелись афонцы. Неужели они умолчали на Руси об увиденном там? На Святой горе Григорий Палама чтился особо.

Святитель Киприан самолично переписал «Лествицу» Иоанна Синайского. Это классика исихазма.

Митрополита Киприана и архиепископа Феодора сближает ещё и интерес к литературному наследию патриарха Филофея. Оба увлечённо переводили его тексты на славянский язык. Феодор Ростовский прекрасно владел греческим языком. Кажется немислимим, чтобы в его библиотеке отсутствовало «Житие Григория Паламы». Вот как святитель Филофей повествует об одном из видений своего учителя: *«Вдруг, во время молитвы, келлийку Григория озаряет необыкновенный свет, и в этом свете предстал пред очи Григория великий Антоний и говорит: «Хорошо и совершенно безмолвие, но и общение с братиею иногда необходимо, особенно в дни общественных молитв и песнопений»¹.*

Сколь это значимо в контексте нашей темы! Ведь что стоит за словами чудесно явившегося Антония? Исихазм совместим с кино-вией. Именно к осуществлению этого синтеза, который на первых порах мнится абсолютно невозможным, стремился Сергей Радонежский.

Русь эпохи Киприана – пора исихастских озарений. С этим именем мы правомерно ассоциируем три прекраснейших явления:

- началась Северная Фиваида; её вратами стал Ростов Великий; на огромных пространствах иноки выводили в мир свет несказанный;
- достигло расцвета творчество Феофана Грека, который для своих исихастских убеждений нашёл художнические эквиваленты: его иконы и фрески заряжены нетварной энергией;

– завязался гений Андрея Рублёва – исихия полнит его творения. В Ростовском музее хранится уникальная икона Феодора Ростовского (инв. № И-790). У неё нет аналогий. Перед нами изображение исихаста в апогее его молитвенного экстаза. Это именно экстаз – *исступление ума*: когда мистагог перерастает себя – и достигает Бога, вступая в синергию с Ним. Вот что об исихастском экстазе пишет И.И. Соколов: «*В этом состоянии ум всецело выходит за пределы окружающего чувственного, отлагается всякой мысли, приобретает совершенную нечувствительность к тому, что в мире*»². Икона с поразительной адекватностью передаёт кульминацию исихастского опыта, когда осуществляется теозис – человек по благодати становится Богом. Это находится за рамками рациональной психологии. Но ведь сколь психологичен иконописец! Именно – психологичен. Он сумел передать – и это парадокс – принципиально непередаваемое, выразить – и это тайна – абсолютно невыразимое. Анализируя икону, В.И. Вахрина отмечает, что Феодор здесь изображён в «*состоянии глубокой сердечной молитвы*»³ – эпитеты тут несут большую смысловую нагрузку. Сердечная молитва – исихастская молитва. Икона свидетельствует в пользу того, что Феодор Ростовский был исихастом.

Дионисий Ростовский и северный исихизм

В книге И.К. Смолича «Русское монашество» имеется ошибка, которая – если взглянуть на неё с позиций психоанализа – может отражать глубинные интенции исследователя: ростовский архиепископ Дионисий, занимавший кафедру в период с 1418 по 1425 гг., назван *святым*⁴. На самом деле Дионисий Ростовский – он известен ещё и как Дионисий Святогорец – не был канонизирован. Тем не менее предание видит его в ореоле святости.

На горизонте русской истории Дионисий появляется около 1389 г. О нём известно, что он выходец из Царьграда, а пострижен был на Афоне. Дионисий попадает в поле зрения Димитрия Донского. Великий князь благоволит ему. Дионисий получает келью в Богоявленском монастыре. Но обосноваться там надолго ему не суждено. Как раз в это время из Спасо-Каменного монастыря, что на Кубенском озере, к Димитрию Донскому приходят монахи – просят назначить им игумена. Державный выбор падает на Дионисия Святогорца.

Спасо-Каменный монастырь был основан около 1260 г. С его историей связано чудесное спасение князя Глеба Васильковича (ум. в 1278 г.). Попав в бурю, он дал обет: поставить церковь на том берегу, куда волей стихии будет вынесен его струг, и сделать это во имя святого, чьё празднование придётся на день спасения.

Этим днём оказалось 6 августа. А чаемым берегом – Каменный остров. Там уже обитало 23 пустынножителя. По бедности своего

храма они не имели. Князь незамедлительно исполнил обет. Промыслительно, что храм был посвящён Преображению – взыскание нетварного Фаворского света является устремлением исихастов.

В пасомой обители Дионисий Святогорец вводит Афонский устав. Являлся ли он паламитом? Ко времени, когда Дионисий оставил Святую гору, там уже закончились споры о природе божественных энергий. Григорий Палама был канонизирован. Трудно представить, что просвещённый монах остался в стороне от идей, которыми тогда жила вся Византия.

Учение Григория Паламы о Фаворском Свете – как на это правомерно указывает Порфирий Успенский – «не было новостью XIV века»⁵. Оно обобщало – и поднимало на высокий философский уровень – давнюю традицию. Конечно же, Дионисий был её носителем, но мы лишь по косвенным признакам можем представить, как она конкретно воплощалась и на Каменном острове, и в Ростове Великом.

Афонский исихазм учит о божественном озарении – таковое «явлено было на Фаворе, дабы мы знали, чем были и чем будем»⁶. В этих прекрасных словах по сути заявлена программа *теозиса*. Замечательно, что она формулируется в терминах Преображения – нас ждёт чудесная световая метаморфоза. Исихазм предуготовляет её в этой жизни. Каменный остров – и гора Фавор: Дионисий Святогорец внёс в их связь афонские обертона.

Память об игумене, прославившем монастырь, жила в поколениях. Каменный остров стал как бы сколком Афона. Здесь подвизался юный инок Иосаф. Ему было всего семнадцать лет, когда Бог позвал его к Себе (10.09.1453). К Иосафу в полной мере можно отнести слова из афонского «Панфекта» – через непрестанную молитву исихаст осуществляет «уклонение от мира, замену его Богом»⁷. Красота неземного жительства открылась Иосафу в дольных условиях. Одно озарение сменялось другим. А.Н. Муравьёв пишет: «Ещё на земле сподобился он благодатных видений, и осиял его отчасти отрадный свет лицезрения Господня, который обещан для чистых сердцем, в вечных селениях. Сам Господь и Спас Наш, Имя Которого непрестанно он призывал в обители, основанной на память светлого Его Преображения, явился ему ...»⁸. Не описывается ли здесь кульминация исихастского опыта?

В истории русской святости существует своеобразная духовная генеалогия. Линия преемственности проходит через многие поколения. Почивший святой продолжает участвовать в жизни обители, края, страны. Дух Дионисия Святогорца долго ощущался на Каменном острове. Проследим некоторые восходящие к нему связи – какие-то из них завязались при жизни святителя, другие означились спустя много лет после его преставления.

Из соседней Вологды придёт в монастырь юноша Дмитрий. Игумен отметит его духовное рвение. При постриге даст ему своё имя. Дионисий Глушицкий (ок.1362 – 1437) станет основателем нескольких обителей. Прославится как иконописец. Современный исследователь отмечает: преподобный Дионисий *«совмещает в себе афонские и Сергиевы традиции»*⁹. Этот синтез мог быть предзадан самим Дионисием. Знал ли он Сергия? Так или иначе, но глубинное посредничество между ними осуществляет Дмитрий Донской – и это очень существенно.

Сын Дмитрия, великий князь Василий, прервав кубенское уединение Дионисия, призвал его на служение в город, где родился Сергий. Великий мор тогда грозил опустошить Ростов. По прибытии Дионисий немедленно проводит соборный молебен. Он окропляет святой водой народ и городские стены. Беда отступает.

Вскоре в Ростове появляется молодой галичанин Григорий Лопотов. Напряжённый духовный поиск движет им. Григорий обосновывается в Богоявленском Авраамиевом монастыре. Он столь хорошо зарекомендовал себя, что братия Спасо-Яковлева монастыря желает видеть его своим архимандритом – и Дионисий Ростовский споспешествует этому. Но Григорий жаждет радикального отвержения мира. Через два года он принимает решение, которое кажется спонтанным: ночью – втайне от всех – оставляет Ростов. И уходит на Север.

Житие говорит о долгих блужданиях Григория по заволжским лесам и мшарам. Якобы случайно он узнаёт о Дионисии Глушицком. Но так ли это? Свою цель он мог наметить ещё в Ростове. И не без влияния Дионисия Ростовского, учителя Дионисия Глушицкого.

Житие говорит о двух монахах: *«у них образовалась как бы одна воля»*¹⁰. Далее приводится их диалог, в котором отчётливо звучат исихастские мотивы – Дионисий внушает Григорию: *«Весь ум твой направь к тому, чтобы со всем тщанием искать Единого Бога и ревностно прилежать к молитве»*¹¹. Собрание ума – его опускание в сердце – предельная концентрация в умной молитве: думается, что мы вправе придать этот контекст вышеприведённой цитате. Замечательно то, как Дионисий заканчивает своё увещание: *«Но более всего будем стараться, отче Григорий, помогать нищим, сиротам и вдовицам. Пока есть время, твори благо»*¹². Здесь решается великая антиномия Северной Фиваиды, проходящая через многие жития: противоречие между тягой к уединению – и обращённостью к миру, к людским нуждам. Верх берёт любовь к ближнему.

Десять лет Григорий будет сопостником Дионисия. Потом продолжит своё искание. Тайный колокольный звон приведёт его на берега р. Пельшмы. Здесь в 1426 г. возникнет Богородицкий Ло-

потов монастырь. За благословением Григорий Пельшемский придёт в Ростов. Святой преставится 30 сентября 1441 г.

Паисий Ярославов в это время ещё совсем юн. Вскоре начнётся его иноческое житие в Спасо-Каменном монастыре. Тут всё напитано памятью Дионисия Святогорца. У Паисия пробуждается глубокий интерес к Афону. Когда и где он передаст его Нилу Сорскому? Здесь обсуждаются два вероятия:

- Нил стал учеником Паисия ещё на Каменном острове;
- общение Паисия и Нила началось в Кирилло-Белозерском монастыре.

Старцы этой обители в 1476 – 1478 г. вошли в затяжной конфликт с игуменом Нифонтом. Для Нила он завершился уходом на Афон. Там он пробыл более десяти лет.

В 1446 г. Спасо-Каменный монастырь посетил Василий Тёмный. Он молился о возвращении на московский престол. Не тогда ли великий князь узнал Паисия? При нём был его пятнадцатилетний сын, будущий Иван III, который через шесть лет – после разгрома Шемяки – вновь окажется на Каменном острове. В 1479 г. у него родится сын. Мальчика нарекут Василием III. Воспреемником великого князя будет Паисий. В этом же году он станет игуменом Троице-Сергиевой лавры. Две линии – афонская и Сергиева – вновь пересекутся. Строгий Паисий не найдёт понимания у братии. Дисциплина монахов была из рук вон плохой. В 1481 г. Паисий оставит лавру. Скорей всего, что он удаляется на остров своей юности, сильно пострадавший от недавнего пожара. Из-под пера Паисия выйдет «Сказание о Спасо-Каменном монастыре». Там мы находим такие главы: «О игумене Дионисии Цареградском», «О возведении на епископство игумена Дионисия Каменского во граде Ростове».

В 1484 г. мы снова видим Паисия в Москве. Иван III хочет сделать его митрополитом. Это намерение не осуществилось. На некоторое время Паисий как бы исчезает из виду. Где он теперь пребывает? Мы снова встречаем имя старца – отныне оно прочно увязано с именем Нила – в письме новгородского архиепископа Геннадия к ростовскому владыке Иосафу: он просит призвать двух старцев и посоветоваться с ними по двум животрепещущим вопросам. Каково их мнение по поводу ереси жидовствующих? И надо ли по окончании седьмой тысячи лет ждать конца света? На основе этого письма В.О. Ключевский делает такое заключение: «*Можно предположить, что Паисий жил в пределах ростовской епархии, в Кирилловом или Каменном монастыре*»¹³.

Различные источники – включая и труд В.О. Ключевского – утверждают: Паисий появился вместе с Нилом на Соборе 1503 г., где чётко намечился конфликт иосифлян и нестяжателей. Это легендарное представление. Оно восходит к известному «Письму о не-

любках старцев Кириллова и Иосифова монастыря». Дата смерти Паисия установлена точно: это 22 декабря 1501 г. Но слава его как учителя Нила Сорского и убеждённого нестяжателя была столь большой, что он и после смерти воспринимается в неразрывном единстве со своим учеником.

Исихазм – и нестяжание: есть ли тут корреляция?

На Афоне были так называемые *метохи*: пашни, где трудились или сами монахи, или паломники. Никакой аналогии с нашими обширными монастырскими сёлами тут нет. Но вот вопрос, со всей остротой поставленный А.С. Архангельским: могли ли киновии в условиях Русского Севера просуществовать без вотчин¹⁴? Нравственная коллизия налицо. Как полагает Е.В. Романенко, Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский считали возможным компромисс – сочетание нестяжания и землевладения¹⁵. Для Нила Сорского это были несовместимые моменты.

Кого поддержал бы Дионисий Ростовский? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Некоторые детали говорят за то, что на Каменном острове установился дух нестяжания – эту установку хорошо выражает житие Дионисия Глушицкого: «*ничтоже звати свое*»¹⁶. Впрочем, это категорический императив киновии как таковой – личное нестяжание в принципе может ужиться со стяжанием общезжительным. Но в житии Иосафа Каменского мы находим сюжет, вроде как исключаящий последнюю возможность. Когда дядя Иосафа привозит племяннику золото и серебро, то он отказывается принять этот дар и самолично, и от имени обители. Монастырю не нужно богатство – оно губительно для спасения.

Дионисий Святогорец – Паисий Ярославов – Нил Сорский: благотворное влияние перетекает от одного инока к другому – несмотря на разрывы во времени.

Исихастская практика продвигалась на Русский Север двумя путями – через учеников Сергея Радонежского и через Спасо-Каменный монастырь. В Ростове Великом эти пути пересеклись. По своей сути они едины. Паламитский Афон питает оба потока, которые сливаются на просторах Северной Фиваиды.

**

¹ Филофей. Житие святителя Григория Паламы. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2004. С. 103.

² Соколов И.И. Свт. Григорий Палама – его труды и учение об исихии. СПб., 2004. С. 53.

³ Иконы Ростова Великого. М., 2003. С. 277.

⁴ Смолч И.К. Русское монашество. М., 1999. С. 596.

⁵ Епископ Порфирий (Успенский). История Афона. Т. 1. М., 2007. С. 805.

⁶ Там же. С. 804.

⁷ Там же. С. 788.

⁸ Муравьёв А.Н. Русская Фиваида на Севере. М., 1999. С. 396.

- ⁹ Жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского. СПб., 2003. С. 96.
- ¹⁰ Жития на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней Св. Дмитрия Ростовского. Книга дополнительная первая. М., 1908. С. 169.
- ¹¹ Там же. С. 169.
- ¹² Там же. С. 169.
- ¹³ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 190.
- ¹⁴ Никольский Н.К. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII-го // Христианское чтение. 1907. Август. С. 161.
- ¹⁵ Романенко Е.В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003. С. 30.
- ¹⁶ Житие Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского. С. 96.